

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

НОВЫЕ
ГЛАДИАТОРЫ

Сергей Зверев
Новые гладиаторы

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Новые гладиаторы / С. И. Зверев — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-88755-2

Молодой и спортивный парень Геннадий зарабатывает на жизнь мошенничеством и мелким рэкетом. Но карьера начинающего бандита прерывается самым неожиданным образом. Однажды вечером Геннадий уснул в объятиях своей подруги Багиры, а проснулся в камере на секретной базе в новом для себя качестве – гладиатора-раба. Отныне он вынужден дважды в месяц принимать участие в кровавых поединках со смертельным исходом на потеху богатой публике. Но довольствоваться участием раба Геннадий не намерен и задумывает побег...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88755-2

© Зверев С. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Зверев

Новые гладиаторы

© Попрядухин В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Все совпадения с реальными людьми и событиями совершенно случайны.

Автор

Часть первая

Путь гладиатора

Удар! Дубина просвистела у виска басовой нотой. Короткий шаг назад и выпад своей дубиной. Удачно – кожа на правом плече соперника лопнула от удара. Почти черная кровь полилась по груди и руке, обильно орошая бетон под ногами.

Судя по всему – финита. Противник неловко перебросил дрын в левую руку, но долго ему так не продержаться. Наверное, сломана ключица или разорвано акромиально-ключичное сочленение. Память на автомате достает из глубин мозга медицинские термины. Ну что ж, сегодня крокодил будет ужинать не мною.

Где-то в глубине большого бассейна с пологими бетонными стенками раздался скрежет. Решетка поднята. Значит, для зрителей исход схватки тоже очевиден. Они сидят за толстым звуконепропускаемым стеклом – несколько хорошо одетых мужчин и женщин.

Почтеннейшая публика пьет что-то цвета закатного неба из высоких фужеров. Не иначе вино урожая тысяча восемьсот лохматого года стоимостью десять тонн бакинских за бутылку. Да уж, в зелени у них недостатка нет.

Крайняя слева – Багира. Она в черном вечернем платье. Вот подняла бокал, сучка. Твое, мол, здоровье.

Голову заломило от скользящего удара. Рано расслабился.

Противник – коренастый парень с наколотым на дельтовидной мышце парашютом – развивает успех. Время уходит.

Схватки всегда идут не более получаса, чтобы зрители не утомлялись однообразием. Потом на ринг выходит крокодил. В этот момент лучше быть подальше от края бассейна. Совсем хорошо, если там к этому времени уже будет плавать тело твоего соперника. Безотходное производство: людям – зрелищ, крокодилу – мяса.

Десантник вкладывает в удар всю оставшуюся силу. Движения его недостаточно быстры. Инерция дубины уводит атакующего чуть вперед и влево. Вторая рука висит плетью.

Ну вот и все. Удар по подставленному затылку. Глухой треск, падение лицом на бетон. Потом соперник на рефлексх поднимается на колени.

Какое-то время он стоит так. Невидящие глаза смотрят вперед. Из раны на лбу сочится кровь, стекает в углубления глазниц.

«Мальчик отрывается от книги и смотрит вдаль. Что видят его глаза?»

Такой взгляд часто бывает у агонизирующих людей. Какие картины открываются их взору? Не иначе дверь в потусторонний мир.

А вот и наш Харон. От дальней зарешеченной стены бассейна неспешно струится гигантское тело, живая подводная лодка. Торопиться рептилии некуда. Охоты тут никакой не предвидится, еда доставлена, надевайте слюнявчик.

На всякий случай подправим десантуру тычком палки в воду – бетонная площадка совсем рядом с бассейном. Всплеск, фонтан брызг. Невкусная дубина одиноко плавает на поверхности.

Судя по колебаниям воды, крокодил тащит добычу в свое логово. Приучен уже.

Вот и все. Можно расслабиться. Идущие на смерть приветствуют тебя, Багира, дерись ты через колено.

Теперь пара дней отдыха в комфортабельном каземате. Пить, есть, ондулянсион на дому. Да и бабу можно заказывать любую – рыженькую, блондинку али брюнетку. Заслужил, гладиатор.

К слову, о бабах. У меня ощущение, что это даже не проститутки, а светские львицы, ищущие новых впечатлений от жизни. Где еще представится возможность трахнуть настоящего гладиатора сразу после победы? Сюда запросто можно туристические туры устраивать для любителей нестандартного секса.

Интересно, что за поместье у них вокруг всего этого великолепия? Куда власти смотрят?

Впрочем, судя по всему, некоторые представители власти иногда заглядывают как раз сюда, в застекленный Колизей. А что? Пошекотать нервы, расстроенные государевой службой, сделать ставочку на Гектора или Ахиллеса. Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. А этих самых быков нынче вокруг много развелось. Почти каждый мнит себя хищником.

Гена Волков с детства делил все человечество на хищников и травоядных. Конечно, встречались разные вариации и переходные стадии, но суть оставалась одна. Способен вцепиться мертвой хваткой в загривок? Ты хищник! В тебе есть нечто такое, от чего пугливые обыватели с бараными глазами шарахаются в сторону. Пожиратели соломы трусливо отступают, освобождают лучшее место у водопоя. Пусть пока не льву – Геннадий еще не набрал стати, характерной для царя зверей, – но уже гибкому мускулисту леопарду.

Если сдуть всю словесную шелуху, нанесенную цивилизацией на человеческие отношения, то первобытная правда встанет во всей обнаженной ясности. Уступи дорогу сильному! Не стой на пути героя к вершине Олимпа, скале совета и т. д., и т. п. (нужное подчеркнуть). Такая вот была у него система координат. Не Шопенгауэр, конечно, зато свое, выстраданное.

Гена почуял все это еще в школе. Как-то нутром. Осмыслить свои ощущения и привести их в систему в те времена он не мог, ума не хватало. Но малец уже понимал, что за место в первых рядах надо биться. До крови. До полной деморализации соперника.

Уже в седьмом классе Волков отметелил пацана на год старше, решившего проявить интерес к Гениной соседке по парте. Его соперник ходил в секцию тяжелой атлетики, но сути дела это не меняло. Да, здоровенный, и что? Быки, знаете ли, тоже не маленькие. Соседка Гене, в общем, не особо и нравилась, но пускать чужих на свою территорию – самое последнее дело.

Волкова уважали и боялись не только в классе. Самые крутые пацаны в районе чувствовали: в случае чего этот шизанутый пойдет до конца. До смерти. Слово «смерть» в детстве носит условный, аллегорический оттенок. Здесь же она становилась реальностью в облике жилистого белобрысого паренька с остервенелыми глазами. Прощупать, что там, за гранью, желающих оказывалось немного.

Случалось, конечно, что и наезжали, не без того. Местный полууголовный элемент по кличке Панкрат семнадцати лет от роду с настоящей судимостью и условным сроком однажды попытался чуть повоспитывать белобрысого хмыря. Ну что такое, в самом деле? Мы с кентами сидим, все по уму, а тут какая-то шелупонь мимо идет. К тому же при команде «брысь отсюда» эта самая шелупонь не бросилась бежать, а нагло остановилась и зыркнула белыми, как будто выцветшими глазами.

Гене тогда здорово перепало. Противник ему достался на три года старше и в два раза тяжелее. Но у Панкрата на всю жизнь остался маленький шрамик около глаза. Сначала это была рваная рана от острой щепки, попавшейся Волкову под руку.

– Мужики, он мне глаз выставил!

Приятели увели скулящего «короля» в ближайший травмпункт.

Гена, сильно шатаясь, но на своих ногах побрел домой. По дороге его рвало два или три раза, но в душе билась какая-то древняя радость пещерного человека.

«Победа! Ой, блин, как же сильно болит голова».

Дома матушка устроила истерику, вызывала «скорую». Батя все допытывался на тему «кто тебя так». Гена едва улыбался и махал рукой, мол, нормально все. Легкое сотрясение головного мозга – не чрезмерный гонорар за такую победу.

Через пару недель он уже как равный сидел в покосившейся дворовой беседке. Грозный Панкрат продемонстрировал широту души. Он пожал духаристому пацану руку и налил из «огнетушителя» емкостью ноль восемь литра бордового портвейна.

Правда, втянуться в дворовую компанию Волкову мешало отвращение к липкому пойлу. Да Гена особо туда и не стремился. Стая – удел мелких койотов. Показал характер, постоял за себя, и ладно.

Чуть позже начались, скажем так, контакты второго порядка. Выяснилось, что система много сложнее обычного силового противостояния. В начале десятого класса теплым сентябрьским вечером Гек – эту кличку Волков сам себе придумал, так как собственное имя казалось ему вялым и слюнтяйским – избил на дискотеке вальяжного хлыща лет двадцати.

Джинсовый щеголь слегка оттеснил невзрачного Гека от его подружки.

– Привет, милая! Потанцуем?

Гена, вежливо улыбаясь, отодвинулся в сторону.

Парень в джинсах привык к собственной значимости, поэтому такое вот поведение трусоватого кавалера принял как должное.

Пацаны, знавшие Гену, зашептались в предвкушении интересного зрелища.

Дотанцовывать хлыщу пришлось за Дворцом культуры, куда верная подруга Гены вытянула его якобы для продолжения лирического общения. Поскольку рядом с хлыщом вертелись трое здоровых приятелей-телохранителей, подобный ход оказался правильным.

Драка была честная – один на один. Старый асфальт, весь в мозаике битых бутылок, был основательно подметен дорогой джинсой и окроплен кровью, хлещущей из разбитого породистого носа. Чем не коррида?

Пацаны веселились вовсю, потягивая пиво и наслаждаясь зрелищем.

Когда в темень заднего двора ворвались три плечистых парня, ловить там было уже некого. Оставалось только поднять приятеля, вяло копошащегося на грязном асфальте, хлюпающего разбитыми губами.

Ситуация получила продолжение примерно через неделю. Гек уже и думать забыл о недавнем конфликте. Помахивая авоськой, он шел в булочную за хлебом через подворотню старого сталинского дома. Она была самая что ни на есть классическая, с выгнутым аркой потолком, облупившимися кирпичами в проплешинах штукатурки, желто-бурыми потеками на высоте в половину человеческого роста.

Когда Гена свернул в темный, пованивающий застарелой мочой проход, его кто-то ударил ногой в лицо. Вернее, попытался это сделать. Благодаря реакции, натренированной в драках, Гек успел чуть уклониться от удара. Мысок кроссовки скользнул по его макушке. В голове загудело.

Гена попытался фирменным хуком достать нападающего, но маневр не сработал. Предплечье наткнулось на руку, твердую, как арматура. Тут же в голове от прямого правой будто граната взорвалась. Следом пришла резкая боль в спине и одновременно под ложечкой.

Стоять было невозможно, и Гена рухнул коленями на выщербленный асфальт. Он еще пытался на рефлексах подняться, но град ударов просто придавил его к земле. В те моменты, когда сознание парня ненадолго включалось, он успевал получить вместе с порцией боли немного информации.

Нападающих было как минимум двое.

– Дави крысеныша. Подожди, я его по харе пну.

– Да ладно. Еще угробишь. Хватит уже с него.

– Ничего не хватит. Пусть знает, на кого руку поднял.

Очнулся Гек в сумерках. Он лежал ничком на холодном асфальте.

Какая-то старушка, завидев в полумраке шевелящееся тело, испуганной рысью пробежала мимо с криком:

– Нажрутса тут!..

Гена чуть ли не на четвереньках выбрался из подворотни на тротуар и там снова потерял сознание. Второй раз он пришел в себя уже в больнице.

Провалился Волков в травматологии полтора месяца.

– Кто тебя так?

Этот вопрос ему задавали и мать с отцом, и дознаватель, и соседи по палате. В ответ Гена лишь с недоумением пожимал плечами, хотя прекрасно понял, кто это устроил. Не иначе давешний щеголь с холуями. Ничего, поквитаемся без посредников!

– Молодец, пацан, на поправку пошел! – подбодрил дедок с соседней койки, неправильно расценив Генину улыбку.

Нет, это была не улыбка, а рык леопарда, не побежденного, пусть и истерзанного охотниками.

Однако вскоре ситуация дала неожиданный рикошет. Старший Волков готовился получить должность начальника цеха. Все было почти на мази, но на это место внезапно назначили другого инженера, едва ли три года отработавшего на производстве.

– Надо давать дорогу молодым, – растолковало большое начальство. – И потом, против вашей кандидатуры выступил сам Смирнов.

«Сам Смирнов» являлся одним из отцов города. Его слово оказалось решающим.

Отец не понимал, почему вдруг высокое партийное руководство вмешалось в сугубо производственные процессы на обычном заводе. Гене, однако, все стало ясно. Фамилия джинсового хлыща была именно Смирнов. Сей факт ему полусшепотом сообщили девчонки на той судьбоносной дискотеке. Выходит, не однофамилец.

Гек понял, что драка за место под солнцем заключается не только в физическом контакте. Не в джунглях живем, есть масса других рычагов. Значит, требуется четко уяснить, где эти рычаги находятся, а главное – уметь до них добраться.

Гена взялся за ум и окончил школу с одной тройкой в аттестате по дисциплине «трудо-вое обучение». Параллельно он стал ходить в секцию дзюдо. Неудачная стычка с каратистом из свиты вельможного сына крепко засела в его памяти. Хотел в карате, но этот вид единоборств везде официально запретили. К выпуску из школы Гек уже стал перворазрядником, без пяти минут кандидатом в мастера. Мать нарадоваться на него не могла.

Батя после той истории ушел с завода и устроился бригадиром сантехников в районное ЖЭУ. После этого он неожиданно стал приносить домой больше денег – странный пере-кос советской экономики. Вдобавок Волковым дали трехкомнатную квартиру от организации на другом конце района.

Но все эти явные плюсы перечеркивал жирный минус. После перехода на новую работу папахен постоянно находился под мухой. Матушка Гека, принципиальная противница спиртного, сильно загрустила от такой перемены слагаемых. Гена тоже считал, что пьянство – привычка травоядного быдла. Отец не буянил, не скандалил и даже не ругался матом, но постоянно пребывал в состоянии алкогольной эйфории.

Иногда ее степень в разы утяжелялась. Случалось это исключительно во время так называемого большого аварийного прорыва.

В такие дни Волков-старший звонил домой и весьма озабоченным голосом говорил жене:

– Люсек, у нас аварийный прорыв. Всю бригаду кинули на ликвидацию.

После чего он исчезал на пару дней.

– Явился, ликвидатор. Живо в ванную! – ворчала мать, когда притихший отец возвращался домой, распространяя вокруг сложный аромат дерьма и перегара.

Первый послеликвидационный вечер более-менее походил на нормальную семейную жизнь с чаепитием у телевизора и прочими тихими радостями. Через день все становилось на круги своя. Эйфория – большой прорыв – ликвидация. И так по замкнутому циклу.

Замкнутый цикл – это жизнь здесь, в Колизее. Мы – гладиаторы, убойное мясо. Система помещений, судя по всему, размером с небольшой город. Окон нигде нет. Складывается ощущение, что все находится под землей.

Келья гладиатора вполне комфортабельна, тянет на люкс в гостинице. Рядом со спальней – индивидуальный тренажерный зал. Еду и выпивку приносят хорошую. Вернее, присылают в кухонном лифте. Вот только на алкоголь особо налегать не стоит.

Тут и контроля не надо – система сама удерживает. Бой может начаться внезапно, в любое время суток. Захочет благородный патриций представления среди ночи – ваш выход, маэстро. Будешь в этот момент пьяный – крокодил получит мясо, замаринованное в коньяке.

Камеру-люкс получаешь только после нескольких десятков выигранных поединков. Новичок же гладиатор живет в обычном каменном мешке с минимумом удобств: койка, санузел, кухонный лифт.

Больше всего я не люблю драться на мечах и прочей древней байде. Рукопашка привычней. Но этим типам, сидящим за стеклом, ведь экзотику подавай. Спасает только одно: другие на мечах дерутся не лучше меня.

Однажды мне выдали для поединка какой-то кинжал, а противнику – двуручный меч. Тут бы мне и конец, но тип оказался новичком. Видимо, совсем свежак, подобрали пацанчика где-то на улице.

Дрались мы возле клетки с тигром. Система та же. Через полчаса боя открываются дверь с ринга и выход из клетки, где сидит полосатый хищник. Не успел, сам виноват. Этот шерхан сграбастает того, кто первый под лапы попадет. Прямо иллюстрация к моей философской системе.

Противник пару раз двуручником махнул и выдохся – бери голыми руками. Я обошелся без кинжала, хотя жлобы, балдеющие за стеклом, и повернули большие пальцы вниз. Но я же не монстр какой. Просто вырвал меч и заломал пацана приемом. Он весь какой-то бледный, на солдата-срочника похож. Дезертир, наверное. В глазах ужас смертный.

Не стал я его убивать. Понадеялся, что нас обоих выпустят. Ага, как же!

Выпустили тигра раньше времени. Здоровый такой зверь, быстрый. Человеку с ним не справиться.

Прижался я спиной к выходной двери, а они, суки, нарочно не открывают. Ладно хоть то, что у меня дырявый этот железный, у пацана отобранный. Все для обороны сгодится.

Тигр стоит как буриданов осел. Соображает, сволочь, с кого начать.

Тут солдатик с мужеством обреченного подхватывает кинжал, оброненный мною, и бьет животное в глаз. Толком не попал, вскользь по морде прошло.

Шерхан долго его лапами мутузил. Первым же ударом грудную клетку вскрыл – ребра наружу.

Собрал я силушку богатырскую, размахнулся железякой и рубанул тигра где-то в районе крестца. Задние лапы напрочь снес, лишь на шкуре держались. Рев, кровяшка повсюду! Тигруша ко мне на передних ползет, поквитаться хочет. Но прыть без задних ног не та.

В общем, хорошая штука – двуручный меч, потому что длинный. Тигр, на удивление, меня все-таки лапой достал – живучий, гад. Вон на боку четыре шрама. Будет чем похвалиться на старости лет. Кто еще может похвастаться шрамом от тигра?

Вот только вряд ли меня отсюда выпустят. А бежать, как Спартак в книжке Джованьоли, я не могу – не с кем. Вместе нас никогда не оставляют больше двух, да и то лишь на время поединка.

Когда же эпизод с тигром был? Сосчитать трудно. Время здесь практически не имеет значения. На стене висят часы, но можно ли верить их показаниям – вопрос. А если и можно,

то какой часовой пояс они отображают? Телевизор на стене транслирует только диски с проигрывателя.

Впрочем, есть у меня подозрение, что через него работает система наблюдения. Пусть отслеживают. Мне скрывать нечего, один фиг почти в животное превратился. Правда, в агрессивное. Типа бойцовой рыбки в аквариуме на ярмарке в Тае.

Таких рыбок тут не меньше сотни. Откуда они берутся? Багира привозит, наверное. Она меня тогда развела, как лоха последнего. А я еще думал, что обвел ее вокруг пальца.

Здесь, скорее всего, целая бригада таких девиц работает. Они подбирают всяких людейшек, находящихся в конфликте с законом. Ну а потом, если крокодилы не съедят, то этих бедолаг вывезут в лес и выкинут. Мало ли в тайге заброшенных военных шахт.

Боев за спиной – уже не сосчитать. Поначалу только рукопашка. Теперь же могут и какой-нибудь трезубец в руки дать. Хозяева жизни входят во вкус. Но рейтинг мой высок. Меня все реже дергают на бой, берегут для особо важных клиентов.

Жаль, бежать отсюда нельзя. Такие барбосы охраняют, что с голыми руками и не подступись. Они и конвоируют на расстоянии, невозможном для броска. К тому же куда бежать – неизвестно. Коридоры тут абсолютно точно кончаются стенкой, ямой с тиграми или бассейном с крокодилами. Колизей!..

Гена закончил школу и вместе с аттестатом получил наконец-то кандидата в мастера. Неожиданно для всех, а может, и для себя, он поступил в мединститут. Особой тяги к этому делу у него не было, но вуз находился в двух остановках от дома, к тому же считался в городе престижным учебным заведением.

По случаю поступления мать решила сводить сына в «настоящий» ресторан. Гена поморщился, но ничего не сказал. Он любил мать, да, впрочем, и отца, несмотря на всю их явную травоядность, и старался не перечить родительским капризам. Если, конечно, это не шло в разрез с его принципами.

Старшего Волкова они с собой брать не стали, справедливо предположив, что его потом из кабака не выставишь. Трезвый и хмурый папахен на родимом «Запорожце» подвез жену с сыном к центральному ресторану.

Мать и сын уселись за столик в глубине зала. Официант принять заказ явно не торопился. Вновь пришедших он сразу классифицировал как людей не денежных, от которых вряд ли дождешься чаевых. Халдей стоял у служебного столика и сосредоточенно читал какой-то документ.

Матушка пару раз пыталась подзвать служителя ресторации робким «Можно вас?». Звук, наверное, путался в ресторанных запахах – есть такая физическая аномалия – потому что официант никак не реагировал. Женщина неловко вертела в руках картонное меню и всем видом старалась показать, что ничего особенного не происходит.

Гена в ресторанах ранее не бывал – чего зря деньги тратить? – но смущаться не привык в любой ситуации. Он пружинисто поднялся из-за стола и пошел разруливать физический феномен. Если звуковые волны не доходят до чьих-то ушей, то надо или волны усилить, или уши приблизить к источнику звука. Даже если их исключительно для чистоты эксперимента придется оторвать от головы.

Гек вежливо потыкал официанта твердым пальцем в спину.

– Любезный, примите заказ, пожалуйста.

Удивленный официант поежился от стада мурашек, нахлынувших из-под твердого тычка, и оглянулся на наглого визитера. Возмущенный ответ тут же затерялся в глубинах эмоций. Не зря же Гек тренировал специальный взгляд хищника.

Несмотря на наличие у дверей здорового вышибалы, официант почему-то вдруг засуетился и пробубнил:

– Да-да, конечно. Вы уже выбрали? Сейчас я подойду.

Волков с чувством выполненного долга вернулся к столу. Они заказали сто грамм коньяку – ради праздника можно, – салаты и котлеты по-киевски. Коньяк пах клопами, умершими после отравления сивухой, а салаты еле закрывали дно небольших посудин. Однако это был «настоящий ресторан», а значит, все здесь априори считалось по высшему разряду. Во всяком случае, именно так казалось матери Гены, которая последний раз посещала подобное заведение во времена своей студенческой юности.

Зал потихоньку наполнялся народом. На эстраде в углу солидно возились музыканты, настраивая аппаратуру.

– На теплоходе музыка играет, а я одна стою на берегу, – запричитала певица под аккомпанемент клавишника, двух гитар и ударных.

Подвыпившая толпа ринулась на пяточок перед эстрадой. Начался обычный вечерний съем.

– А сейчас для нашего дорогого Юрия Юрьевича из солнечного Норильска звучит эта композиция.

Мордатый Юрий Юрьевич лихо пустился в пляс, рассекая выпуклым животиком застоявшийся ресторанный воздух. К потолку потянулись столбы табачного дыма. Официально курить за столами запрещалось, но всегда имели индульгенцию.

– Я в туалет, – обозначил Гек причину своей отлучки и пошел на выход.

Надо же было такому случиться! В туалете ресторана он встретил своего давнего недруга. Смирнов-младший причесывал кудри у зеркала и на Гену сначала глянул лишь мельком. Потом узнал. Взгляд хлыща вильнул в сторону. Видимо, встреча с Геком один на один положительных эмоций у парня не вызвала.

Тем не менее Смирнов собрался с духом, откровенно вызываясь усмехнулся и силой воли вернул взгляд на место.

– А, это ты, крысеныш.

Он тут же неожиданно быстро выбросил ступню на уровень лица своего визави и зафиксировал ногу на этом уровне. Хорошая растяжка. Видно было, что парнишка взял несколько уроков карате.

– Чего ты ногами-то размахался? – вполне дружелюбно сказал Гена. – Дай облегчиться, потом побазарим.

Дружелюбный тон слегка сбил боевой задор с этого субъекта.

– Что, обмочился уже? Давай иди! А потом я тебя урою.

Гек пожал плечами и пошел мимо Смирнова-младшего к шеренге матово-белых писсуаров. Соперник чуть отступил, освобождая проход.

Тут Гена внезапно сделал шаг в сторону ясновельможного сынка и всем весом придавил белоснежный фирменный кроссовок опорной ноги к кафельному полу. Одновременно с этим Волков сильно толкнул противника плечом.

Тот как раз завершал свое собственное движение назад. Поэтому он легко ускорился в направлении, обозначенном твердым толчком. Фиксированная стопа осталась на месте, тогда как стокилограммовое тело чуть повернуло вокруг продольной оси и рухнуло на пол. Связки голеностопа благополучно порвались, нога вывернулась. Смирнов взвизгнул от резкой боли в щиколотке.

Гена, не теряя ни секунды, аккуратно наступил на сломанную лодыжку своего обидчика и слегка покрутил на ней подошвой ботинка. «Вы топчете окурки одной ногой – оп, оп, оп».

Затем Волков в меру быстро покинул ресторан. При этом ему повезло. Вышибала отвлекся для разговора с какой-то девицей, держащей между тонкими пальцами не менее тонкую сигарету.

Гек нырнул в тесный салон родного «ушастика», разбудил кемарившего отца и послал его вызволять супругу из ресторанный чада. В этот момент по улице, шаря глазами по сторонам, пробежали три крепких парня. Волков сполз ниже по сиденью, чтобы не маячить в окне. Крепыши проигнорировали непрестижную машину и рванули дальше, вниз по улице.

– То-то сынок был такой борзый, – сказал Гек сам себе и ухмыльнулся. – Ну что ж, летите, голуби, летите.

Тут вернулись родители.

– А ты чего ушел? – спросила слегка обиженная мать. – Тебе не понравилось?

– Да нет, мама, все замечательно. Просто попили, поели. Чего там зря сидеть? Неинтересно.

– А там сейчас хулиганы человека избили, – поделилась матушка новостью, как бы парирюя Генино «неинтересно». – Швейцар «скорую» вызвал и милицию. Знаешь, даже хорошо, наверное, что ты раньше ушел, а то там никого из мужчин не выпускали.

– Вот видишь! – Гена улыбнулся. – Давай, батя, заводи «боливара» и двигай на хауз.

По дороге, правда, отцу пришлось остановиться у общественного туалета. Мочевой пузырь сына, забытый впопыхах, заявил о себе весьма повелительным позывом.

Ситуация в ресторане развития так и не получила. Гек опасался не столько официального разбирательства или следствия, сколько бравых телохранителей Смирнова ибн Смирнова. В суде-то все равно ничего не докажешь – свидетелей не было. Поскользнулся, упал, закрытый перелом – все по классике. В ресторанном туалете полы ужасно скользкие. А вот каратисты с подачи пострадавшего могли повторить попытку реванша.

Гена стал носить с собой небольшой ломик, завернутый в газету. В очередной раз заворачивая свою дубинку в номер «Вечорки», он выяснил причину затишья. Оказывается, папу Смирнова вот уже месяц назад перевели по партийной линии в Москву. Наверное, все семейство за ним и увязалось.

В Москве-то небось кабаков больше. Сыночке есть куда ходить в свободное от дурака-валяния время.

Этот эпизод так и ушел в прошлое. Но душу Гека грела мысль о том, что последнее слово все-таки осталось за ним.

Смирнову за тридцатник, а выглядит этот тип на целый полтинник. Но есть тут одна нескладуха. Он по ту сторону стекла, а я, весь из себя атлет нордического типа, – по эту. Как чувствовал, что увижу старого кента в этом цирке, естественно, среди зрителей, а не на арене.

Его папашка наверняка удачно вложил золото партии. Теперь он заделался одним из столпов нового свободного общества, стал отцом русской демократии. Хотя политкорректней писать «российской».

А сын вон марафет нюхает.

У нас был тяжелый бой. Трое на ринге, каждый против каждого. Бойцы серьезные. Бились на коротких античных мечах, в набедренных повязках и без щитов. Итог – у меня несколько неглубоких резаных ран по всему телу. Одного соперника мне удалось завалить, второго я тяжело ранил в низ живота.

Деваться-то некуда! Тут без всяких аллегорий – или ты, или тебя. В этот раз обошлось без крокодила. Тела просто унесли охранники.

А я стоял, смотрел на жлобов, расслаблявшихся за стеклом, и думал о том, как мне хреново.

Лечить-то тут не принято. Благо я врач, могу и сам о себе позаботиться. Кладешь в кухонный лифт список нужных препаратов и инструментов, и все присылают. Может, поэтому я и жив до сих пор? С другими не чикаются: не можешь биться – хана.

Да, что-то я отвлекся. Здесь с ума сойти – как два пальца об асфальт. Стоит за стеклом некий обрюзгший тип, тычет в мою сторону ладошкой, вымазанной в кокаине. Ну да, он самый и есть! Смирнов ибн Смирнов. Сколько лет, сколько зим. Теперь мне точно кранты. Сейчас по просьбе этого вот господина меня в какую-нибудь яму с медведем определяют. Тут ведь кто платит, тот и обстоятельства боя выбирает. Но обошлось.

Отвели меня в номер. Я заказал хирургические иголки, нити, гемостатические губки, антибиотики. Вместо спирта у меня коньяк. Сижу, штопаю себя перед зеркалом в ванной.

Одна рана в неудобном месте на спине. Пришлось оставить ее как есть. Я свел концы разреза пластырем, вот и все.

Болевой порог у меня высокий от природы, поэтому делать анестезию я не стал. Да и нечем. Разве только коньяку из бара нажраться? Но кто тогда меня шить будет? Дилемма. Впрочем, пару глоточков я все-таки хлебнул. Расслабляет. Типа «дали стопку – начал жить».

Пару дней меня не трогали. На третий по громкоговорителю объявили: «Встать у двери! Приготовиться!» Так меня на арену вызывают. А какой сейчас бой? Хоть бы недельку дали отлежаться.

Велели мне надеть спортивный костюм – уже необычно. Провели по коридорам, подняли на лифте. Снова коридоры, затем банкетный зал. Человек пятьдесят сидят, бухают, порядки хулиганят.

Два охранника пристегнули меня цепями к ручным кандалам, и каждый со своей стороны держит. Мотив понятен – вдруг я тумачи начну почтеннейшей публике раздавать? Выгляжу чисто как оружейник Просперо в гостях у трех толстяков.

Шум стих, все смотрят. Дамы – с сочувствием и любопытством, мужики – не пойми с чем во взгляде.

Подлетает эта сука Смирнов, на визг срывается. Где он так себе нервы испортил? Вроде пил-ел на золоте, живи и радуйся. Прихрамывает на одну ножку – уже приятно. Привет из прошлого.

Он не нашел ничего лучше, чем плюнуть мне в лицо. Причем попал, гад. Даже не утереться – церберы руки держат. Откинулся я чуть назад, благо руками можно через цепи на охранников опереться, и махнул ногой.

Слава всемирному равновесию! Носком кроссовка я дотянулся-таки до подбородка господина Смирнова. Вскользь снизу вверх. Самый замечательный удар, вроде не сильный, а вырубает напрочь. Мой приятель тут же и осел мешком, растекся по паркету бесформенной тушей.

Думал, убьют, но нет! Все заплодировали, дамы засмеялись.

Смотрю, Багира шествует. В одной руке стакан с минералкой, в другой – фужер с вином. Я аж залюбовался – хороша. Высокая шея, стройная фигура, обтянутая черным вечерним платьем. Под ним эластично перекатываются упругие шары ягодиц. Сейчас мне их, правда, не видно, но я отлично помню, как они выглядят.

Минералка льется на Смирнова. Тот хрюкает, приходит в себя и в недоумении крутит головой.

А вино предназначено победителю. Валерия Мессалина, третья жена римского императора Клавдия, поит гладиатора из фужера. Руки-то в цепях. Вино сухое, по вкусу очень хорошее.

В конце процедуры струйка проливается из угла моего рта на подбородок. Багира тут же сует пустой фужер охраннику, вынимает у него из пиджака носовой платок и стирает с моей правой брови смирновскую слюну. Затем она своим влажным ароматным языком слизывает у меня с подбородка винную кляксу. Взгляд у нее тягучий, призывный, как у кошки в период течки.

Багира идет обратно. Спина ее декольтирована до верхнего края ложбинки между ягодицами. Такой вот союз хищников, о котором я когда-то мечтал. Кто-то верно сказал, что надо быть осторожным в своих пожеланиях. Вдруг они исполнятся?

Начались обычные студенческие будни. Первый курс прошел под эгидой кафедры физвоспитания. Волков ездил бороться за вуз на разные спартакиады, и учиться ему было почти некогда.

К первой сессии вполне закономерно накопилась куча хвостов. Кое-что Гена сдавал на тройки сам, но при общении с особо принципиальными преподами огневую поддержку ему оказывал матерый человечик, завкафедрой физвоспитания Григорьев. Бывший борец-вольник, мастер спорта международного класса умел пробивать для своих воспитанников дорогу к светлому будущему.

– Но ведь Волков почти месяц отсутствовал на занятиях! – трагическим голосом вещал очередной травоядный очкарик. – Извините, при всем моем к вам уважении до экзаменов я этого студента допустить не смогу. Хоть к декану идите.

– К чему беспокоить декана? – Григорьев улыбался, обнажая слегка шершавые зубы, его поломанные уши при этом забавно шевелились. – Вы ж поймите, дорогой мой, Волков защищал честь института на студенческой спартакиаде в Минске. И как защищал – первое место! А на носу очередные крупные соревнования. Кто поедет? Вы же, небось, не соизволите. Ректор постоянно интересуется результатами нашей команды. Он хоть и хирург, и членкор, а в молодости тоже самбо занимался. Так что обстоятельства выше меня. – Григорьев дипломатично не произносил «выше нас».

Информация о бурной нехирургической молодости ректора приводила препода в состояние грогги.

– Но ведь Волков собирается стать врачом. Как можно овладеть профессией при такой посещаемости?!

Тренер чутко улавливал слабину в голосе и тут же проводил последний прием:

– Так ведь это только первый курс, еще пять лет впереди. Наверстает! Я с него первый шкуру спущу, если будет лениться! – Здесь он грозил мощным узловатым пальцем Гене, скромно томящемуся в углу.

Препод с деланным безразличием махал рукой, мол, делайте что хотите. В зачетке появлялся очередной «уд».

Первую сессию Гек сдал на все тройки, зато практически автоматом.

Григорьев, кстати, не блефовал. Он действительно мог открывать дверь кабинета ректора чуть ли не ногой. В молодости они боролись за «Динамо». Григорьев – вольник, будущий ректор и членкор – самбист. Дороги юных спортсменов постоянно пересекались на сборах и соревнованиях. Первые победы, походы по девочкам, пузырь портвейна, выпитый тайком от тренера. Но что стоит дружба, если ее постоянно не напрягать мелкими просьбами, вроде зачета перспективному спортсмену-первокурснику? Никуда эти очкарики не денутся, поставят.

Да, учеба шла своим чередом. Двадцать третья группа лечфака постепенно превращалась в спаянный коллектив. В соученики Геку достались почти сплошь мажоры – дети сановных родителей. Правда, в те времена слово «мажор» еще не было обиходным, но сути дела данное обстоятельство не меняло.

Гек стал в компании своим парнем. Спиртное он особо не жаловал, но веселых вечеринок не чурался, заводил на них новые полезные знакомства. Вот только денег на увеселения парню катастрофически не хватало. Случалось перехватить у родителей червончик-другой, но разве это сумма?

Одногруппница Леночка – дочь партийного босса средней руки – в родительском доме привыкла к изобилию. Она совершенно не представляла, что паршивый червонец можно считать серьезными деньгами.

– Генчик, пойдем после третьей пары в «Золотую осень», кофейку попьем?

Гена знал, сколько стоит в «Осени» чашечка хорошего кофе, поэтому старательно избегал таких вот приглашений. Не будешь же гулять за счет девушки. А на свои кровные – ого! Чашка на два нормальных глотка целый рубль стоит! Да за такие деньги в любой столовой можно плотно пообедать.

– Пойми, ты платишь не столько за кофе, сколько за образ жизни, – вещал умудренный опытом одногруппник Олег Банаев, в миру фарцовщик по кличке Банан. – Пришел с девушкой, все чин чинарем. Бармен в турочке кофе сварил, легкая неназойливая музыка, полумрак. Да, в столовой за десять копеек ты купишь целый граненый стакан. Но кофе в нем будет из цикория. А если учесть, что и стакан плохо помыт, то!.. Сам видишь, комфорт дорого стоит. В ресторане официанту необходимо каждый раз на чай давать. А то он тебе со злости может и в тарелку плюнуть. Или уронит котлету на пол, пока ты не видишь.

Банан постоянно терся по кабакам и в теме разбирался. Правда, Геку от такой вот осведомленности этого субъекта в подобных вопросах легче не становилось. Надо было искать альтернативный источник доходов.

Тут-то случай и свел его с Пашкой Репниным. Они виделись и раньше. Тот учился на другом потоке. По виду вылитый передовик-общественник: открытый взгляд широко посаженных голубых глаз, белоснежная улыбка в тридцать два зуба, спортивный полубокс. В общем, тот самый плакатный типаж, который Волкову активно не нравился. Гек даже решил при первом удобном случае слегка проучить красавчика.

Как это часто бывает в жизни, подходящий момент по невероятному стечению обстоятельств скоро представился. Но результат получился совсем не тот, которого ожидал Гена.

...Да, результат часто получается не тот, которого ожидаешь. Когда среди ночи открывается дверь в каземат, тут два варианта: или на бой позовут, или дуплить пришли за дерзкое поведение наверху. Но жизнь разнообразна, в ней часто встречаются именно третьи варианты. Как хорошо, что они есть.

Я вскочил и на автомате приготовился к защите. Месяцы – а может, уже и годы? – дрессировки даром не проходят.

Отбой – это Багира. Дверь за ее спиной с печальным чмоком отрезает мои апартаменты от выхода в коридор. Обычная такая стальная дверь, каких много в нормальных квартирах.

Какое-то время Багира стоит и молча на меня смотрит. Затем одной рукой распускает завязочку на шее, и вечернее платье с шелковым шорохом стекает на пол. Удобная придумка, когда надо быстро потрахаться.

Вторая рука моей гостьи вытаскивает из тяжелого пучка волос пару деревянных штырей, предназначенных для фиксации прически. Волосы у нее шикарные, хоть я и не люблю этого слова. Они свободно рассыпаются золотисто-медвяным водопадом по спине и частично по плечам, обтекают и подчеркивают грудь. Такое ощущение, что волосы тоже выдрессированы представлять хозяйку в лучшем свете. Грудь действительно хороша. Третий размер, высокая и даже на вид упругая, с небольшими розовыми кругами около сосков.

Впрочем, в Багире все без изъяна. Пожалуй, только сумасшедшинка во взгляде может напугать рядового наблюдателя. Но я уже как минимум сержант. После тигров и крокодилов такая фигня меня нисколько не беспокоит.

Багира так же молча подходит ко мне и царапает слегка наманикюренными пальцами по груди, заботливо огибая многочисленные шрамы. Затем, ни слова не говоря, поворачивается

и идет в душ. Вид сзади тоже впечатляет. Особенно если учесть, что узких стрингов между ягодиц просто не видно.

А я вспоминаю нашу вторую и последнюю встречу на воле. Она тогда внезапно задрала на мне майку, распанаханную ножом в уличной драке, и облизала порез на животе. Четкая линия ее губ была слегка смазана моей кровью. В свете уличных фонарей и подсветки приборной доски это выглядело пугающе, но и возбуждало.

Мы сидели в уютном салончике ее малолитражной «рено» и переживали недавнее приключение. Вернее, я думал, что переживали. Для нее это был только укол адреналина и оказия, позволяющая завербовать нового рекрута. Неплохого, надо сказать, коль он сумел так долго продержаться в суровых условиях Колизея. Не удивлюсь, что ей за меня какие-нибудь бонусы выплачивают. Если только она не хозяйка всего этого зверинца.

Впрочем, я в той давешней ситуации тоже не был полностью искренен. С точки зрения философии, мы квиты. Ибо сказано в Писании – кто сеет ветер, тот пожнет бурю. Я дорвался до упругих Настинных грудей, не подозревая, что вместе с ними получил массу проблем. Багиру в миру зовут Анастасия.

Ситуацию с хулиганами я нарочно подстроил. Крутились у меня во дворе пацаны из тех, что на пять-шесть лет моложе. Подрастающие волчата. Все просили рекомендацию в Пашкину бригаду. Тот тогда уже был в авторитете, стал королем всего правобережья.

Именно с ним мы впервые встретили Багиру. Место, где это случилось, называлось пророчески – «Арена». Именно так, с большой буквы. В этом кабаке деловые люди любили перетирать разные проблемы.

Однажды мы там непринужденно беседовали и легко ужинали икрой и водкой. И вдруг! Идет она своей плавной походкой. Раньше я всегда думал, что выражение «лебедь белая плывет» – всего лишь фигура речи. Ан нет. Эта особа двигалась так, что шагов под длинным вечерним платьем не заметно было. Она села за столик, заказала кофе.

Пашка подозвал халдея, мол, кто такая? Тот ответил, что толком не знает. Сия леди об эту пору всегда здесь пьет кофе.

Вообще дурдом! Чтобы такая красавица в бандитском кабаке себе кофе-брейки устраивала?

Мой друг попытался к ней подкатить, когда она уже на выход пошла. Он засеменил рядом, подлаживаясь под ее шаг – чисто Майкл Джексон со своей лунной походкой. Пашка что-то сказал ей на ушко, а она лишь ускорила шаг.

Репа к такому невниманию не привык и придержал ее за попу. Тут-то и произошло нечто совсем уж необычное по тем временам. Леди в черном достала из сумочки какую-то фигню и ткнула наглеца в шею. Тот затрясся и упал. Вот это финиш! Электршокер!

Пока суд да дело – незнакомка ушла. Халдеи улыбки прячут, Пашка, естественно, рвет и мечет. Дескать, найду и предам жестокой расправе.

Наверное, нашел-таки. Потому что с тех пор его никто не видел. Пашкина бригада через месяцик распалась на две неравные части.

– О чем задумался, гладиатор? Небось наш первый раз переживаешь и злишься? – Прохладная после душа Багира валится на живот рядом со мной и пытливо смотрит в лицо. Она действительно обладает какими-то экстрасенсорными способностями. Полное ощущение, что от ее глаз исходит мерцающий зеленоватый свет. Он есть, но я его не вижу. Или наоборот – вижу, но его нет. Глубока твоя кроличья нора, Алиса.

«Нора» у Багиры действительно глубока, мускулиста и как будто живет своей отдельной жизнью. Такого качественного секса у меня не было давным-давно. Может быть, вообще никогда. Влюбился, что ли? Бывает же в бабах такой животный магнетизм. Сейчас я готов ей простить даже вербовку в Колизей.

– Ты-то хоть помнишь наш первый раз? – бурчу я с долей иронии.

Сто пудов не помнит. Она меня тогда в «Арене» и не срисовала. Обычная серая личность из параллельного ей мира.

Так и есть!

– Ну как же? Толпа хулиганов с ножами, благородный прохожий вступился за честь прекрасной незнакомки.

Я снова четко вижу всю диспозицию. «Рено», застывший на спуске, ободранный «Москвич», загородивший ему дорогу.

Трое молодых отморозков рвут дверцы малолитражки с криками:

– Мы тебя, коза, научим краковяк танцевать!

Тут выходит благородный спаситель, весь в белом. Дрались мы тогда почти по-настоящему. С пацанами уговор был – бить в полную силу. В кульминацию один из моих визави махнул ножом и легонечко чиркнул меня по пузу.

Расчет понятен. Признательная дама уж точно возьмет с собой героя, чтобы перевязать его раны. Она и взяла. Даже трахнуть ее тогда не получилось. Настя напоила меня какой-то психотропной дрянью.

Драки на ножах, оказывается, плохая примета. С Пашкой я тоже примерно так подружился.

В конце апреля матушка сказала любимому сыну:

– Мы с девчонками на «Кармен» собрались, а спектакль поздно заканчивается. Геночка, не мог бы ты меня встретить возле театра после тренировки?

Гек ответил утвердительно. Тренировка заканчивалась в восемь, спектакль – в половине десятого, так что времени хватало с избытком.

Где-то в районе девяти часов он уже стоял под портиком театра. Парень прислонился плечом к колонне и наблюдал за вечерней суетой.

Театр находился на берегу полноводной сибирской реки, разделяющей город на две равные части. Неподалеку мигала разноцветьем огней гостиница, на первых двух этажах которой располагался ресторан. Между гостиницей и театром темнели скульптурные группы, украшающие фонтаны, которые пока не работали – не сезон.

Вечер выдался довольно теплым, целых плюс двенадцать градусов, но из темноты, где несуетливо ворочалась в своих берегах могучая река, тянуло знобящей сыростью.

Гена ежился в тонкой ветровке и ждал того светлого момента, когда театральный Хозе в очередной раз зарежет свою Кармен. Сильно саднили пальцы, намозоленные чужими кимоно. В животе урчало от голода. Гека клонило в сон от усталости, несмотря на свежий бриз.

– Ну что? Сколько? Тридцатник есть? Как раз на три пузыря.

Хриплые голоса, раздававшиеся неподалеку, выдернули парня из состояния прострации. Он осторожно выплянул из-за колонны и увидел неподалеку тройку персонажей, появление которых возле оперного театра само по себе являлось нонсенсом. Они стояли между боковой поверхностью здания и косогором, спускавшимся к реке.

Здесь располагалась некая пограничная зона между высоким искусством и приземленным бытием. Шаг в сторону – и ты на хорошо освещенной площади. Шаг за угол – и вокруг скучные заборы строительных площадок.

Трое люмпенов, видимо, до недавнего времени расслаблялись в доме, строящемся неподалеку. Вида они были классического, словно иллюстрация к теории Ломброзо. Гек про нее где-то мельком читал, и сейчас она буквально на глазах воплотилась в жизнь.

Самый высокий из троицы – акромегал с мощным подбородком, массивными надбровными дугами и длинными руками – сосредоточенно тасовал на широкой ладони мятые банкноты и кучку мелочи. Неандерталец калибром поменьше стоял рядом и за гипнотизированно смотрел на чарующий танец денег между линиями жизни, судьбы и сердца.

Третий член этой милой компании, пожалуй, выпадал из концепции, придуманной великим итальянским психиатром. У него был облик старого рыцаря: довольно длинные седые волосы, висячие усы, благородные черты лица. Такой имидж удачно дополнял длинный рубец через всю щеку.

Именно этот благородный рыцарь Айвенго в линялой штормовке и старых трениках оказался самым сообразительным из всей троицы.

– Какие три пузыря? – Его суровый, с мужественной хрипотцой голос тоже вполне укладывался в рыцарский имидж. – Сейчас по чирику не возьмешь уже. Только у таксистов или цыган по пятнашке. А закусь? Бабки на такси? – Седоусый аналитик многозначительно закурил папиросу, предоставив спутникам самостоятельно сделать правильные выводы.

Его товарищи напряглись, но свежие идеи на тему о том, как же им обустроить свое светлое сегодня, в их головы почему-то не приходили.

Вдруг неандерталец помельче просветлел лицом и заявил:

– А мы вон у того пионера попросим!

Гек подумал, что речь идет о нем, и приготовился к защите. Но питекантроп рысью пробежал мимо. На острие атаки любителя цыганской водки Гена с удивлением увидел Пашку. Сокурсник шел неподалеку, собираясь обогнуть театр с другой, правой стороны. Как назло, народ на площади вдруг рассосался, и столкновению двух культур, даже антимиров, ничего не мешало.

Судя по всему, перспективы такого столкновения были весьма не радужными для студента-комсомольца. Невысокий парень в модной курточке типа «летучая мышь» на фоне приближающегося агрессора смотрелся сущим ягненком.

«Может, помочь? Хоть и травоядное, да свое. Вдруг пригодится, – подумал Гек, однако эта добрая мысль тут же сменилась осторожным расчетом. – С какой стати мне подставлять свою спину бандитскому ножу? Эти трое люмпенов наверняка имеют в карманах по заточке. Тут и к бабке не ходи. Ничего страшного с ним не случится, – успокоил Гена совесть, ворохнувшуюся внутри. – Ну, пощиплют пацанчика. Не убьют же они его. Бабок стрясут, и все».

Но ситуация вдруг стала развиваться по необычному сценарию. Пашка внезапно хлопнул себя по лбу, как будто что-то вспомнил. Он развернулся на сто восемьдесят градусов и спокойно пошел назад. На его пути оказался фонтан, и сокурсник, к удивлению Гены, стал оглядывать это препятствие со стороны реки.

А ведь в данной ситуации логичней было бы делать обходной маневр с освещенной гостиничной стороны. Скульптурная композиция, облагораживающая фонтан, отсекала свет фонарей, создавала весьма подходящую обстановку для дел, требующих конфиденциальности. Обычно там, на бортике бассейна, сидели целующиеся парочки или выпивающие тинейджеры.

Агрессор, обескураженный неожиданным маневром, увидел, что пионер удаляется, пустился вдогонку и завопил:

– Эй, ты что, не слышишь? К тебе обращаюсь! – с этими словами неандерталец нагнал уходящего парня, схватил правой рукой за левое плечо и стал разворачивать к себе.

Потенциальная жертва поддалась неожиданно легко. Но преследователь почему-то внезапно упал, как подкошенный. Гек со своего места отлично видел всю диспозицию. Пашка крутанулся вокруг своей оси и с ходу конкретно пробил в подбородок. После чего он спокойно продолжил путь к автобусной остановке, виднеющейся вдали.

Второй верзила увидел, что жертва уходит, а корефан лежит в тени бортика фонтана, но сразу даже не понял, в чем тут дело. Он совершил ту же ошибку: догнал, завопил, развернул противника к себе и тут же получил удар. Правда, из-за разницы в росте кулак Пашки в этот раз попал чуть ниже подбородка. Но этого вполне хватило. Акромегал захрипел, схватился за шею и бухнулся сначала на мосластый зад, а потом и на спину.

Тут уж Гек ждать не стал. Мимо него как раз пробежал пресловутый рыцарь с ножом в руке. Гена быстро вышел из тени и окликнул его нейтральным «Эй!». Седой Айвенго действительно соображал быстрее своих собратьев «по перу» и без всякого замешательства напал на неожиданного противника. Он сделал быстрый замах и попытался ударить парня ножом в живот.

Гена поймал запястье вооруженной руки в перекрестье своих мощных кистей и легко вывернул руку супостата ему за спину. Одновременно он ударил уркагана, удерживаемого в согнутом положении, коленом в лицо. Раздался негромкий чавкающий хруст носовых костей. Глухо брякнул о булыжники мостовой кнопочный нож-лисичка, изделие зоновских мастеров.

Седой рыцарь обмяк. Гена опустил его ничком на землю и бросил взгляд в сторону фонтана. Первый поганец уже сидел, прислонившись спиной к бортику бассейна. Голова его слегка пошатывалась на короткой шее. Ему сейчас было явно не до драки.

Зато верзила левой рукой держался за горло, а правой рылся в кармане выдавшей виды ветровки. Пашка благоразумно не стал ждать результатов поиска и куда более точным ударом отправил противника в глубокий нокаут. Мимоходом Репнин пнул в висок и субъекта, сидящего у фонтана. Тот покорно завалился в сторону, обозначенную ударом, и затих.

Гек взял своего недавнего визави за шиворот и штаны, самую малость поднатужился и оторвал его от земли. Весил седой Айвенго на удивление немного.

«Худой какой! Видать, кушает плохо. А у нас кто плохо кушает, тот подарков не получает». – Гена вспомнил старый анекдот, усмехнулся и свалил ношу туда же, в тень бортика бассейна.

Пашка увидел однокурсника, удивился и заявил:

– О, привет! Тебя ведь Геной зовут, да? Дай пять!

– Гек, – буркнул тот, пожимая небольшую, но очень крепкую ладонь.

– Спасибо, Гек, что помог. – Пашка сверкнул своей плакатной улыбкой, которая сейчас совсем не раздражала Гену. – Глянь-ка, у тебя рукав куртки порезан.

Волков оглядел правый рукав. Из длинной прорехи торчали нитки рубахи.

– Это он меня успел ножом достать, пока я его на прием ловил.

– Ты на дзюдо, слышал, ходишь, так? Ну, еще раз спасибо. С меня причитается.

– Да ты и сам справился бы, – искренне сказал Гена. – Ловко ты этих тварей разделал.

– Может, и справился бы, но без твоей помощи пришлось бы дольше возиться, – проговорил Пашка. – Ладно, разбегаемся. А то сейчас сюда какие-нибудь активисты, народные дружинники припрутся. До встречи. Как-нибудь соберемся, посидим, отметим.

Гена вернулся под портик храма искусств. Тут, кстати, и спектакль кончился.

– Девчонки, а вот мой Генчик! – Матушка, вся одухотворенная высоким искусством, радостно представила спутницам сына.

Пятидесятилетние девчонки вежливо заулыбались и сказали пару дежурных фраз насчет того, как же мальчонка вымахал-то.

Волковы попрощались с ними и двинулись в потоке зрителей к своей остановке. Гек украдкой глянул в сторону недавнего побиойца. За фонтаном ощущалась какая-то возня, но толком ничего видно не было.

«Пацанам сегодня на водку тратиться не придется. И так головы у всех болеть будут», – с усмешкой подумал он.

– А где ты куртку так порвал? – Мать нащупала дыру на рукаве и озабоченно оценивала масштаб повреждения в свете уличного фонаря.

– Да где-то за гвоздь зацепился.

– Ну вот, теперь новую покупать надо, а получка еще не скоро. Ладно, что-нибудь придумаем. Побежали, вон наш автобус едет.

«Институт – это то, без чего нормальный человек не может считать себя полностью интеллигентным, – любила говаривать моя бабуля. – Учись на врача, Геночка, в жизни всегда пригодится».

Права была старушка. Пригодилось.

На следующий день после моего общения со Смирновым снова появляется Багира. Красотка приносит с собой бутылку вина.

– Тебя руководство не дезавуирует за дружбу с гладиатором? – язвлю я. – Небось, наши любовные утехы уже стали хитом у охраны.

Она фыркает и заявляет:

– Здесь нет камер слежения. За кем тут приглядывать-то? Куда вы денетесь с подводной лодки? Ладно, не обижайся. Твое здоровье. Или, если хочешь, за нашу любовь. Горько?

Я снова не могу сопротивляться глубокому чувству, внезапно нахлынувшему на меня. Словами это не передать. Вместо того чтобы свернуть коварной фам фаталь шею, я с упоением ее облизываю, вдыхаю аромат ее кожи, парализующий волю.

Мы несемся через каскад замысловатых поз к полному катарсису. В финал выходим одновременно. В оргазме она хрипловато вскрикивает. Мускулистое лоно выдаивает из меня последние потоки жизненной энергии. Полностью обессиленный, я лежу на спине и бездумно созерцаю потолок. Багира курит рядом в постели и стряхивает пепел дорогих тонюсеньких сигарет прямо на пол.

– У меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться, – вдруг говорит она.

– Мне бы еще минут десять отдыха, и я точно не откажусь.

Настя хрипло смеется, потом мурлычет:

– У вас, мужиков, одно на уме. Ладно, десять минут я подожду. А пока вот такая информация. Тебя решено повысить. Будешь штатным доктором у гладиаторов. Кабинет и все необходимое предоставим. Свобода передвижения по всему нижнему уровню, электронный ключ от всех комнат. Ну и, понятно, участвовать в поединках не нужно. Что скажешь?

А что тут говорить? Права была бабуля.

– С чего вдруг?

– Тяжело стало с мясом, – задумчиво отвечает она через дым сигареты. – Сейчас это именно мясо, сырье. Таких качественных экземпляров, как ты, нам уже давно не попадалось. В общем, будешь штопать победителей после боев.

«Мясо» в данном контексте именно мы, гладиаторы. Такой у них, видать, сленг там, наверху. Даже сейчас Багира не находит нужным подобрать какое-то другое, не столь оскорбительное слово.

Как вырастают из обычных девушек такие вот экземпляры? А ведь она наверняка училась в такой же советской школе, как и я. Тоже мне, Настасья Филипповна эпохи постсоветского ренессанса. Придушить ее, что ли? Мясо разное бывает. Иным и подавиться легко.

Я со значением кладу крепкую ладонь ей на горло. Она опускает свою мне ниже живота. Тоже со значением. То ли сжать хочет, то ли погладить.

– Ну не дуйся, Гекльберри. Ты – отдельная графа в нашем списке. Потому и предлагаю. Может, тебе будет приятно узнать, что ты первый из гладиаторов, кто удостоен такой чести.

Приятно ли мне? Наверное, никак. Главное, это свобода передвижения, пусть и по подземному уровню. А там и бежать можно.

Продолжение знакомства с Пашкой состоялось примерно через неделю. Гена стоял в столовой старого корпуса мединститута и соображал, стоит ли пристраиваться в длинную очередь у кассы. В столовой пахло пригоревшей едой и кислой капустой. Ароматы вивария, доносившиеся из коридора, тоже не добавляли прелести в этот коктейль. К тому же и руки, хоть

он и мыл их два раза с мылом, и халат пропахли невинно убиенными лягушками – только что закончилась пара по нормальной физиологии.

Если сюда еще присовокупить густой сладкий запах духов доцента Брушневской, то получалась и вовсе убойная смесь. Что-то типа азиатских пыток.

Странно, духи физиологички пахли в общем-то вполне приятно. Но, смешавшись с запахом лягушачьей смерти, они приобретали абсолютно новый, очень стойкий оттенок. Он буквально вкручивался стальным шурупом в подсознание парня. Брушневская была очень милой, интеллигентной и приятной в общении старушкой, но аромат ее духов с некоторых пор вызывал у Гека исключительно негативные ассоциации.

В общем, обстановка аппетиту явно не способствовала, но Гена пересилил себя. Вечером на тренировку – когда еще успеешь поесть?! В очередь он встал не с конца, а где-то в первой трети. Сначала чуть сбоку, вроде рассматривая салаты на витрине. Потом невзначай втиснулся в открывшийся промежуток между телами сокурсников. Ближайшие к нему персонажи очереди недовольно зароптали, но открыто возмущаться побоялись. Гена посмотрел на особо дерзких личностей оловянным взором, и ропот утих.

Когда до металлических полозьев, по которым двигались подносы, осталось лишь три человека, чья-то крепкая рука схватила Гека за плечо.

– Ты чего без очереди влез? А ну, выйдем, поговорим!

Парнокопытные радостно зашумели, заблеяли. Гена со вздохом повернулся к борзому индивидууму и наткнулся на Пашкину радостную ухмылку.

– Пойдем отсюда, Генчик. Чего ты в этой тошниловке забыл? – Репнин призывно махнул рукой и зашагал к выходу.

Гек бросил поднос на стойку, получил в гардеробе куртку, как попало сложил грязный халат в сумку и вышел из здания.

На улице Пашка кивнул на белые «Жигули» второй модели.

– Садись, съездим похаваем. Я ж говорил, с меня причитается.

– Батина тачка? – осведомился Гек, осторожно размещаясь на переднем сиденье.

– Моя, – сказал Репнин с такой простотой, что стало ясно: этим обстоятельством он очень гордится.

Ну, еще бы! Машина в восьмидесятые была все-таки больше роскошью, чем средством передвижения. Что бы там ни говорили классики.

Пашка включил левый поворот, мягко тронулся от тротуара и сказал:

– Да кинь ты сумку на заднее сиденье.

– Куда едем?

– В «Север». Не переживай, я угощаю.

– У меня через час пара по английскому.

– На машине успеем.

«Север» был одним из самых центровых кабаков города. Банан говорил, что днем пообедать там можно всего за чирик. Но если в кармане рубль с мелочью, то и десятка кажется баснословным богатством.

В заведении было пусто и темновато. Гек подумал, что ресторан не работает, но швейцар беспрекословно пропустил их внутрь.

– Виталик, принеси нам с другом по салату, солянке и паре отбивных, – дружески обратился Пашка к официанту. – Ну и попить соку какого-нибудь. Или чего покрепче?

– Нет, я к выпивке не очень. Да еще на занятия, – отказался Гек.

– Ну и ладно. Тогда на этом и остановимся.

Гена сосредоточенно поглощал вкусную еду, потихоньку погружался в приятную пучину сытой нирваны.

За едой парни потрелись на разные институтские темы.

– Ну что, Гек, как и обещал, с меня причитается, – неожиданно заявил Пашка. – В субботу приглашаю тебя на дачу. С пацанами познакомлю. Посидим пивка поьем, шашлыков поедим. Телок возьмем.

– Я не понял. Если с тебя до сих пор причитается, то это что? – Гек обвел вилкой стол.

– Не бери в голову, – отмахнулся Пашка. – Это просто возможность спокойно поговорить в непринужденной обстановке. В конце концов, ты мне едва ли не жизнь спас.

Судя по шутливому тону, спасение своей жизни собеседник Гека ставил не очень высоко. Или просто привык к таким ситуациям и считал их делом обыденным. Этот Репнин вообще был странный тип, волк в овечьей шкуре. Совершенно новый образец в экспозиции Гениного музея хищников и травоядных. У Волкова даже проснулся какой-то почти научно-исследовательский азарт, разбавленный простым обывательским любопытством. Пашка сумел его заинтриговать.

– Ладно. Чего брать с собой?

– Все уже закуплено. Короче, в пятницу, в половине восьмого на «Локомотиве». Ты ж там тренируешься? Ну, погнали, отвезу в институт.

Пашка, не спрашивая счета, оставил на столе целый полтинник, хотя, по Гениным расчетам, они поели максимум на четвертную.

Стою, шью очередную рваную рану. На сей раз не себе. Вчера состоялся большой групповой бой. Схватки здесь проходят с определенной периодичностью. Несколько дней одна бойня за другой, потом затишье недели на две.

Из этого я делаю вывод, что паноптикум наш находится довольно далеко от обитаемой земли. Приедут хозяева с гостями расслабиться, вкусить хлеба со зрелищами – пожалуйста, господа гладиаторы, на арену. Ну а мне потом работы непочатый край.

Свобода передвижения на деле оказалась сродни той, которой пользуется хомяк в тоннеле из пластиковых бутылок. Нижний уровень, где мы все и существуем в данный отрезок времени, представляет собой квадрат из коридоров длиной примерно по сто метров. С обеих сторон каждого из них расположены двери камер. Все они отпираются универсальным электронным ключом, который мне и выдали для врачебного обхода.

Есть люксовые, как моя. Там размещаются бойцы со стажем. Большинство же – обычные комнаты с минимумом спартанских удобств. Еда везде подается с поверхности посредством маленьких кухонных лифтов. И удобно, и охране заморочек меньше.

Отходы удаляются через люки мусоропроводов. Куда они ведут – неизвестно. Наверное, на еще один подземный этаж. Но пролезть через люк для мусора может лишь животное размером с кота. К тому же под землю мне еще рановато. Лучше вперед и вверх, а там... А что там? Фиг его знает.

В камерах, похоже, действительно нет камер слежения. Такой вот каламбур. А вот коридоры напичканы этой фигней. Плюс через каждые десять метров в потолке сделаны какие-то специальные отверстия, похожие на зарешеченные водопроводные трубы. На случай бунта через них удобно пускать какой-нибудь зарин-заман. Так что бунт тут будет подавлен на стадии даже не зародыша, а любовной прелюдии перед зачатием.

Уборку каждый делает в своей хате сам. Если хочет, конечно. В коридорах же никто никогда ничем подобным не занимается. Мусора там нет, но пол такого же серо-бурого оттенка, как в разделочном цеху мясокомбината после долгих лет бесперебойной работы. Время от времени добавляются новые слои. Пока дойдешь с арены до своей кельи, основательно успеваешь оросить бетон собственной кровушкой.

Если какой-нибудь залетный сатанист вздумает провести здесь черную мессу, то ему и жертва не понадобится. Черти пентаграмму прямо на полу и общайся с преисподней. Правда, если для этого нужна кровь непорочных младенцев, то сатанист окажется в полете.

Люди здесь сидят разные. Много каких-то уголовников в синей эковской росписи. Логика моих хозяев понятна. Их и достать проще. Достаточно договориться с руководством какой-либо зоны. Да и искать, если что, не будут.

Много братков из криминальной пехоты. С ними тоже все ясно. Накосячили где-то или в долговую яму попали.

Часть – явные вояки. Этых легко узнать по наколкам с парашютами, самолетами и прочей военной атрибутикой.

Есть и еще одна довольно большая группа – южане из стран Средней Азии. Их, наверное, баи в рабство на вес, как баранов, продают.

Впрочем, мне сейчас гордиться тоже особо нечем. Такой же баран, как и все прочие. Правда, с красным крестом. Медпомощь я оказываю только победителям. Проигравшие идут на корм разной местной живности. Такая вот жизненная арифметика. По моим прикидкам, население нашего гладиаторского городка составляет около сотни человек.

С обещанным кабинетом пока пролет, но инструментами и препаратами хозяева снабжают меня исправно.

Каких только шрамов я здесь не видел! По этому вопросу могу толстенную энциклопедию составить. Будет чем заняться в старости, если доживу до нее.

Вот сегодня как раз случай, которого еще не было в моей коллекции. Пациент – смуглый таджик с нехорошей широкой раной на боку.

– Кто это тебя так? – интересуюсь я в процессе.

Рана вроде не проникающая, но половины косой мышцы живота как не бывало.

– Штраус, – с трудом выдавливает пациент.

– Да уж. Чем же это ты разозлил великого композитора?

Таджик слегка косится на меня. Он явно не понял шутки.

– Штраус. Птиц большой.

Ага, теперь все понятно. Хозяева расширяют ассортимент. Впрочем, страус – соперник серьезный. Запинать человека он может легко.

– И как же ты его?..

Таджик молчит. Ему очень больно, хотя я добросовестно обколол рану новокаином. Через некоторое время он поднимает руки, ставит один кулак на другой и делает вращательные движения, как будто сворачивает шею цыпленку. Шея у страусов, насколько я знаю, действительно слабовата. При правильном хвате ее можно сломать.

– Ладно, Абдулла, давай поправляйся. Антибиотик я тебе уколол, так что бог даст – выздоровеешь. Вот еще таблетки. Пей три раза в день.

– Меня Рахматулло зовут, – слабым голосом поправляет меня таджик.

Я киваю, хотя запоминать и не собираюсь. Сто к одному, что в следующем бою его ждет соперник посерьезней страуса. Птичка – это так, тонкий юмор наших небожителей. Им тоже хочется иногда посмеяться.

Иду к себе в номер. Коридор пуст. Охрана тут бывает, только когда нужно отконвоировать бойцов к месту схватки.

Да и куда бежать? Разве что по кругу, то есть по квадрату.

С одной стороны коридоры выходят в небольшой холл с парой лифтов. Оттуда приезжает охрана. Но кабинки без кнопок, видимо, управляются только с поверхности. Даже если захватить в заложники охрану, то убежать не получится.

С другой стороны квадрата проход с зарешеченной дверью. Оттуда доносятся запах зверинца и звуки дикой природы. Там наверняка отсек с аренами для схваток. Бежать туда еще глупей. Зачем, если и так отведут?

Патовая ситуация. Вот тебе и свобода передвижения. Вашей щедрости, госпожа Багира, нет границ. Хотя чего я ожидал? Что темницы рухнут и братья меч мне отдадут? Маловато будет. Мне бы чего посерьезней меча. Хотя бы «калаш» с парой рожков.

Хватит, намахался я уже мечом. Пускай теперь молодые кропят песок арены красненьким. Мне и в роли тюремного доктора неплохо. Пока.

В середине мая на город внезапно упала жара, особенно подавляющая после недавнего холода. Многие горожане не успели морально перестроиться и все еще ходили в легких куртках и свитерах. Лишь безбашенная молодежь всю купалась в холодной протоке. Бездомные псы шлялись по улицам, вывалив лиловые языки – своеобразный индикатор чрезмерного зноя. Была пятница, но не тринадцатое.

Гек стоял на остановке у стадиона «Локомотив» и ждал Пашку. Рядом галдела какая-то компания – по виду сверстники Гены. Они преувеличенно громко говорили и смеялись, помогая себе размашистыми жестами. Сигареты, зажатые между пальцами, вычерчивали дымные зигзаги в вечернем воздухе.

Гека всегда раздражали такие дешевые типы – шума на рубль, дела на копейку. Круче вареных яиц. Но в этот раз он старался не обращать на них внимания, хотя пара плевков уже упала в опасной близости от его кроссовок.

«Когда же Пашка приедет? Уже и есть хочется. Если через пять минут не появится, домой пойду, – решил Волков. – Вон и автобус мой подруливает».

– Молодой человек, можно вас? – Мягкий грудной женский голос прозвучал в самой непосредственной близости от Гениного уха.

Он повернул голову и увидел весьма симпатичную женщину лет тридцати в модных солнцезащитных очках.

«Чего это она в очках вечером?» – мелькнула в его голове одна рациональная мысль, но все остальные тут же бодро поскакали вниз, расправляя тугие джинсы навстречу бархатистому голосу.

Было в ее тембре что-то чарующее, влияющее на мужское подсознание. Раньше Гена с такими дамами дела не имел и потому был удивлен той скоростью, с которой проявился вполне понятный эффект.

– Молодой человек, вы меня не проводите? Мне тут недалеко, а вокруг полно всякого хулиганья. – Незнакомка сняла свои очки и улыбнулась.

Глаза ее чуть портили. Какие-то не вполне нормальные, с сумасшедшинкой. Хотя в целом лицо было очень милым, а в комплекте с контральто – практически неотразимым.

Гек отрицательно покачал головой. Мол, знаем мы такие расклады. Отведет в подворотню, а там друзья, они же сообщники. Джинсы на Гене фирменные – подруга матери привезла из командировки в Сирию. Приятели этой красотки запросто сдадут их как минимум за столик на ближайшей толкучке.

– Ну, пожалуйста, – продолжила уговоры странная знакомка и вдруг легонько погладила вздыбленные Генины штаны.

Несмотря на то что некая часть его тела отчаянно рванулась навстречу столь неожиданному приветствию, Гек собрал волю в кулак и сделал два шага назад.

– И рад бы, но не могу. К семье опаздываю. – Он улыбнулся, сделал даме ручкой, разбежался и хотел было запрыгнуть в широко открытые двери «Икаруса» с гармошкой.

Но прыжка не получилось. На его пути внезапно возник Пашка, вынырнувший из толпы. Чтобы не столкнуться с приятелем, Гек изогнулся и в самый последний момент сумел изменить траекторию.

– Извини, чуть опоздал. – Пашка сиял своей фирменной улыбкой. – Пошли, тачка ждет. А также пиво, шашлык, баня и девушки. В какой угодно последовательности. От перестановки мест слагаемых сумма не меняется.

– Чего ты так долго? Я уже чуть не уехал, – буркнул Гек, не любивший таких вот внезапных появлений и необъяснимых поступков.

То и другое означало снижение контроля за ситуацией, грозившее разными неприятными сюрпризами.

– Ну что поделывать? Час пик. Пробки. Прошу садиться.

– Прокурор посадит, – автоматически выдал Гек заученную формулу.

В его старом дворе на рабочей окраине одна треть мужского населения сидела, а вторая собиралась. Поэтому к слову «сидеть» все сызмальства привыкли относиться серьезно.

– Ладно тебе придирааться.

В салоне Пашкиной тачки уже находились двое пассажиров – мужчина и женщина. Гек с удивлением узнал давешнюю приставучую незнакомку.

– Знакомься, это Нинка.

Помянутая особа подвинулась в глубину салона, освобождая место на заднем сиденье. Гена опустил рядом.

– Приятно познакомиться, – церемонно сказала соседка и снова слегка погладила Генины джинсы чуть ниже того места, где заканчивалась молния ширинки.

Волков не знал, как отреагировать на это, и лишь кивнул.

– А это Тимофей.

Парень, сидящий впереди, повернулся и протянул руку. Ладонь у него была твердая, как доска.

– Поперли по бездорожью! – Пашка резко рванул с места и чудом избежал столкновения со старым грузовиком, идущим в общем потоке.

Водитель этой древности нажал на клаксон.

– Да пошел ты! Понасажали за руль колхозников! – Пашка, не отрывая рук от руля, изобразил неприличный жест. – А ты знаешь, Гек, что мы тебя разыграть хотели? Поспорили с Тимой на чирик, что Нинка заманит-таки молодого блондина, спортсмена и комсомольца Волкова в тачку. Но ты молоток. Прямо как Штирлиц: характер нордический, в связях, порочащих его, замечен не был. Так что я еще и в наваре остался.

«Двойка» понеслась на северо-западную окраину города. Там, в мягких складках сопок, поросших тайгой, прятались многочисленные дачные поселки.

Нинка как положила правую ладонь на штаны соседа, так и не убирала ее. Круговые движения были уверенными, но не сильными.

Волков как-то не привык к столь быстрому развитию событий между женщиной и женщиной. Да еще и незнакомыми. Со столь зрелыми дамами ему раньше общаться не приходилось. Со сверстницами алгоритм ухаживаний был принципиально иной: поцелуй в засос, долгие попытки расстегнуть свободной рукой дурацкую застежку лифчика, фехтование кистями в попытках стянуть трусики. Так что инициативная дама слегка обескураживала его. Треп в мужской компании на эту тему – одно, а оказаться в такой ситуации, да еще без подготовки – совсем другое.

Пашка увидел в зеркале чуть растерянный взгляд приятеля, широко оскалился и подмигнул.

В этот момент рука соседки уверенно вжикнула молнией на джинсах, оттянула резинку трусов и выпустила наружу орган, вздыбленный настойчивым массажем. Маленькая ладошка сомкнулась вокруг него ласковым кольцом и плавно заскользила вверх и вниз. Мягко, быстро, горячо.

«Штаны бы не замарать», – мелькнула в голове Гены несвоевременная мысль.

Но соседка верно угадала момент, быстро нагнулась и поймала ртом «корень», торчавший между змейками молнии. Горячий язык заработал винтом, открывая дорогу фонтану оргазма.

Когда машина остановилась у ворот дачи, Нинка уже сидела прямо.

– Пашечка, а вы мне мартини взяли? – как ни в чем не бывало проговорила она своим грудным контральто.

– Все взяли, не бойсь, – ответил Пашка.

В этот момент он заезжал задним ходом в довольно узкие ворота и был почти полностью поглощен этим не самым простым занятием.

Гена, конечно, про мартини читал, но встретить сей чудный напиток среди всесокрушающей советской действительности было странно и удивительно.

«Круто ребята живут. Чем они все-таки занимаются?»

Судя по всему, ответа на этот вопрос ждать оставалось не долго.

Пашка открыл дверь, и парни стали перетаскивать содержимое багажника в дом. Геку достался ящик чешского пива. Здесь он уже не удивился. Странно было бы ожидать, что Репнин пьет «Жигулевское» по сорок пять копеек за бутылку.

Теперь я вспомнил, кого мне напоминает Багира. Ту самую Нинку. Такая же сумасшедшинка во взгляде. Правда, Настя скорее подходит под определение «роковая красавица», тогда как Нинка никогда больше чем на «красотку» не тянула. Как говорится, демо-версия.

– Выйти к лифту, взять медицинские инструменты! – звучит из динамика над дверью.

Ого! Меня по громкой связи не вызывали с гладиаторских времен. Обычно хозяева просто присылают через кухонный лифт список пациентов и номера камер. А на большом лифте я ездил только однажды – на свидание со Смирновым. Кому я там, наверно, понадобился?

Собрался, поехал.

Из динамика в лифте звучит предупреждение:

– Выходи медленно и без глупостей.

Да и так ясно, что глупости мне здесь не помогут. Шмальнут и отправят к крокодилам. Некому будет лечить больных бегемотиков и всем по порядку давать шоколадку.

Двери разъехались, за ними просторный холл. Метрах в пяти боец в камуфляже, совсем не таком, как у нас частные охранники и рыбаки носят. Какого-то серого цвета, да и качество ткани, даже визуально, на порядок лучше. Охранник на вид очень крепок, вдобавок вооружен пистолетом.

– Двигай вперед!

Идем застекленным переходом между корпусами. Первый раз вижу реальный мир поверх всего этого зазеркалья. За стеклом большой двор, как в пансионате. Небольшие домики, стилизованные под швейцарские шале, аккуратные дорожки, подсвеченные разноцветными фонариками. Кругом лежит снег. Надо же, совсем забыл, что бывает зима. Вечер.

Неподалеку видны силуэты заснеженных гор. Наверное, Алтай или Саяны. Вряд ли меня везли на Урал или Кавказ. Хотя после Настиного угощения я был в отключке, наверное, не меньше суток. Так что полной уверенности в том, где именно я нахожусь, у меня нет.

На улице и в коридоре ни души.

– Направо! – командует конвоир.

Мы поднимаемся на второй этаж. Большая комната с набором мониторов от камер слежения. На офисном стуле полулежит мускулистый бритоголовый парень, обнаженный по пояс. Лицо у него покрыто бисеринками пота. Он стонет, прижав руку к правой стороне живота. Его форменная куртка, майка и кепка валяются на подоконнике.

– Потерпи, Олежек, – подбадривает парня мой конвоир. – Сейчас полегче будет. Я тебе доктора привел.

– Что с ним?

– Откуда я знаю? Ты доктор. Давай лечи.

Резонно.

– Так положить бы его куда-то.

Никакой мебели, кроме стола и стула, в комнате нет, поэтому напарник больного бросает на пол куртку с подоконника и укладывает на нее своего товарища.

Я пальпирую живот. Справа он жесткий, явно реагирует на все пробы раздражения брюшины.

– Аппендицит. Надо срочно операцию делать.

– Ну так делай!

Я с недоумением смотрю на провожатого.

– Ты, братушка, с дуба рухнул? Мне операционная нужна. Это раз. Два – я по специальности не хирург. Рану зашить, кровь остановить – еще куда ни шло. Но полостную операцию делать...

– Чего ты свистишь? Аппендицит – самая легкая операция.

– Раз легкая, сам бы и делал. Его надо в больницу везти!

Конвоир садится верхом на стул у окна, опирается сложенными руками на спинку. Теперь у меня есть возможность его разглядеть. Это парень лет двадцати пяти с простым славянским лицом. Такие типажи любят режиссеры военно-патриотических фильмов.

Он в явной растерянности.

– Здесь до ближайшей больницы три часа езды. А по такому снегу – все шесть. Плюс мороз под сороковник. Не довезем.

Стало быть, Алтай или Саяны. Там зимой и пятьдесят градусов не в диковинку.

– У вас тут своего доктора нет, что ли?

– Только медсестра.

– Это что такое?! – раздается за спиной удивленный и негодующий начальничий рык.

По той прыти, с которой вскакивает со стула солдатик, я понимаю, что мой привод сюда не согласован с начальником караула.

Парень, лежащий на полу, тоже пытается встать, но со стоном валится назад.

– Вы что, охренели вконец?

Обладатель грозного баритона – мужик слегка за сорок, квадратный, с толстой шеей, на которой удобно гнуть железные прутья и тому подобный инвентарь. Руки у него толщиной с ногу обычного человека. По-моему, у Дюма Портос был таких размеров. Морда красная, но скорей не от любви к алкоголю, а от склонности к апоплексии.

– Виталий Петрович, Олегу вот плохо стало. Думал, помирает. Доктора вызвал, – оправдывается здоровый боец.

– Какого доктора?! Это же охраняемый! А ты его наверх поднял! Забыл инструкции?! Так и самому легко внизу очутиться.

Охранник напуган, но беспокойство за друга перевешивает.

– Так помрет Олешка! Он же меня под Гератом на себе десять верст по горам тащил. Как же я мог его бросить?

Виталий Петрович какое-то время матерится. Я тихо стою в сторонке. Выражается начальник хоть и громко, но как-то механически, без души. Наверное, под звуки родного мата в голове лучше протекают мыслительные процессы. Судя по всему, понятие боевого братства для него тоже не пустой звук. Закончив монолог, он называет в рацию две фамилии. Через минуту в караулку прибегают еще двое из ларца.

– Заступить на дежурство! Петросян, грузи своего приятеля на себя и тащи в медпункт. А за доктором я сам присмотрю.

Боец с рязанской рожей, так не соответствующей армянской фамилии, поднимает товарища с пола, перекидывает его руку себе через шею и выводит в коридор. За ним иду я. За мной – квадратный полковник. Почему-то мне кажется, что он еще недавно носил именно это звание.

Мы снова движемся вглубь поместья по застекленной галерее. Сейчас можно раскидать конвоиров, потерявших бдительность, разбить железным сундуком с лекарствами стекло и рыбкой нырнуть в пролом.

Но такие вот приколы от Ихтиандра хороши в боевиках. Когда за окном минус сорок – это верный способ изошренного самоубийства. Да и полковник наверняка не промажет. А бежать с пулей меж лопаток, сто пудов, неудобно.

Проходим какой-то банно-прачечный корпус. Пахнет сауной.

В предбаннике, обитом деревянными рейками, приятно пахло сосной и пивом. Гек с Пашкой, завернутые в простыни, сидели в продавленных креслах, оставшихся от старого мебельного гарнитура, и пили пиво. На облупившемся журнальном столе стояло еще несколько бутылок пенного напитка, а также пузырь мартини, наполовину укукошенный Нинкой.

Гена из любопытства попробовал заморский продукт. Буржуйский нектар по вкусу оказался точь-в-точь как венгерский вермут, который ему однажды довелось попробовать из горла в гаражах с пацанами.

– Самый обыкновенный вермут, – поделился он наблюдениями с Пашкой.

– А ты что думал? Так же и виски – обычный самогон. Понтов больше, только и всего. Кто-то от «Джонни Уокера» тащится, а по мне лучше ирландского «Тилламоре Дью» нет.

– Виски ни разу не пил. Я вообще к выпивке не очень.

– Выпивка выпивке рознь, – философски произнес Репнин. – Вон, глянь на плакатик. Батя повесил.

Гек поднял голову и прочитал четверостишие, выжженное на квадратной дощечке:

«Запрет вина – закон, считающийся с тем,
Что пьется и когда, и много ли, и с кем.
Когда соблюдены все эти оговорки,
Пить – признак мудрости, а не порок совсем».

– Прикольный стих. Чей?

– Омара Хайяма. Батя от его стихов фанатеет. Подобные вирши по всему дому и даче висят.

– А твой отец чем занимается?

– Легчик на международных линиях.

Видимо, на лице Гены отразилось понимание, потому что Репнин тут же внес разъяснения:

– Но вот это все: машина, мартини, пиво и прочее – плоды исключительно моих трудов праведных. Вернее, наших с Тимой. – Он чуть помолчал и продолжил как-то странно, без видимой связи с двумя первыми фразами: – Поэтому мы тебя и позвали. Ты вроде парень правильный и не бухарик. С ними ухо остро надо держать.

– Куда позвали? – глуповато спросил Гена.

– Пока сюда. Сейчас Тима Нинку закончит ублажать, придет, и поговорим.

– Так ты же сказал, что еще девушки будут, – заявил Волков просто для того, чтобы поддержать разговор.

– А тебе что, Нинки не хватило? – удивился Пашка. – Она нимфоманка. Сколько мужиков ни дай – все мало. Главное, что баба трахается исключительно из спортивного интереса.

И как! А она, между прочим, не шаболда какая-то. Ревизором работает в солидной конторе, так что прикинута по полной программе. У нее и бабки, и дефицит разный. От нас ей только одно надо. Это обстоятельство привносит в наши отношения искренность и чистоту. – Репнин засмеялся.

– На конец можно подцепить.

– Не бойсь. Регулярно возим ее к знакомому доктору на проверку. У него там полный стационар на дому: микроскоп, штуки специальные, чтобы мазки бактериологические красить. Все, что положено. Вдобавок мы ее предупредили: в случае чего башку открутим. Нинка знает – мы люди серьезные. Впрочем, не Нинкой единой... Если надоест, всегда можно еще телок вызвать.

Из бани появилась Нинка. Простыня обернута вокруг бедер наподобие длинной юбки, но небольшие груди упруго торчат на виду у всей почтеннейшей публики. В такой вот белой хламиде она походила на иллюстрацию к книге «Таис Афинская», какую матушка Гены очень любила перечитывать. Современная гетера грациозно плюхнулась в третье кресло и сладко потянулась.

– Где там Тимофей? Заездила небось до смерти? – Пашка хохотнул.

– Такого лося заездишь! – Дамочка задрала простыню до колен и расслабленно развела ноги. – Жарко. Генчик, налей, плиз, пивка.

Гек открыл бутылку, перегнулся и подал, стараясь не косить глазом в интригующий полумрак под задранной простынькой.

Минут через пять из бани вышел Тимофей. Внешне полная противоположность Пашки: неторопливый, мрачноватый, неулыбчивый. Тело словно перевито тугими жгутами мышц. Треугольное лицо с высокими скулами венчали кустистые брови, из-под которых остро смотрели небольшие черные глаза. Даже такое расслабляющее времяпрепровождение лишь чуть-чуть смягчило выражение его лица. Было в нем что-то от удава.

Он приземлился на маленький диванчик, подцепив по дороге бутылку пива. На правой руке выше запястья растопырила когти вытатуированная кошачья лапа. Рядом два иероглифа, то ли китайских, то ли японских. А может, и корейских.

Гек уже видел похожие татуировки, без иероглифов, правда. В блатном мире такая наколка была знаком воровской удачи.

– Ты что, чалился? – спросил Гена, решив, что они уже достаточно близко знакомы для подобного вопроса.

Кроме того, в его прежнем окружении ходка на зону не считалась фактом, который стыдно озвучить. Наоборот, этим гордились.

Тимофей чуть поморщился, покачал головой и ответил:

– Нет. Я в Монголии служил, на границе с Китаем. У нас там точка ПВО была. Вокруг на пятьсот километров ни души, если пастухов не считать. Кто-то из монголов рассказал, что неподалеку в горах дацан есть. Ну, буддийский монастырь. Да не простой. Жили там монахи, которые после смерти реинкарнировались в котов. А потом опять в людей. Как только монах переживет определенное количество таких превращений, проклятье будет снято. Им нельзя покидать монастырь. Если кто бежит, в погоню посылают специальных охотников, которые убивают беглеца ударом «кошачья лапа». Тогда погибший снова воплотится в монастырского кота. Не дай бог хоть один монах удерет насовсем. Остальным не будет искупления, пока его не поймают. Такая легенда. Вот у нас и вошло в моду кошачьи лапы на память о службе колоть. Делать-то на точке нечего. А в увольнение – только в голую степь. Одно развлечение, если замполит возьмет на охоту. Еды порой не хватало из-за перебоев с подвозом. Брали «ГАЗ-66», автоматы и ехали в степь сайгаков стрелять. Ну, если бараны попадались, тоже не пропускали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.